

«Вместе мы можем оставить коррупцию в прошлом»: стратегии и оппозиции антикоррупционного дискурса*

Марина Макарова

Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии
Удмуртского государственного университета
Адрес: ул. Университетская, д. 1, г. Ижевск, Российская Федерация 426034
E-mail: makmar11@mail.ru

В статье рассматриваются способы реализации основных стратегий антикоррупционного дискурса, выявленных с помощью критического дискурс-анализа. В качестве объекта анализа выбраны тексты международных антикоррупционных организаций, главным образом Transparency International. Интертекстуальность и интердискурсивность антикоррупционного дискурса демонстрируют не только все современные тенденции, присущие дискурсу позднего капитализма, но и способствуют формированию нового типа дискурса. Антикоррупционный дискурс представляет собой разновидность неолиберального дискурса, направленного на распространение демократических режимов и принципов свободного рынка на глобальном уровне. Референциальные и предикационные стратегии показывают, что согласно антикоррупционному дискурсу гражданское общество берет на себя лидерскую функцию в борьбе с коррупцией. Аргументационные стратегии и стратегии легитимации демонстрируют, для чего необходимо бороться с коррупцией и как это сделать наиболее эффективно. Топик (основная тема) дискурса отражает характеристики антикоррупционизма, которые образуются по принципу «зеркального ответа»: чтобы борьба с коррупцией была действенной, она должна обладать теми же характеристиками. Другой вид оппозиций включает прямое противопоставление коррупции и антикоррупционизма, выступающих репрезентацией «положительного представления себя (гражданского общества) и отрицательного представления других (коррупции и коррупционеров)».

Ключевые слова: коррупция, гражданское общество, международные организации, антикоррупционный дискурс, стратегии, критический дискурс-анализ, топик

Антикоррупционное движение приобрело глобальный характер прежде всего в связи с деятельностью международных антикоррупционных организаций, Всемирного банка, Transparency International (TI), Европейской комиссии. В каждой стране активно развивается антикоррупционное законодательство и действует гражданское движение против коррупции. Зародившись в начале 1990-х, антикоррупционное общественное движение во главе с Transparency International активно

© Макарова М. Н., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-42-65

* Статья выполнена в рамках международного исследовательского гранта DAAD. German Academic Exchange service. Bilateral Exchange of Academics 2015 (50015739). Civil society involvement as a tool of anticorruption policy in EU countries (case of Germany).

распространяет идеи противодействия коррупции по всему миру. Отражением и одновременно способом распространения этих идей является антикоррупционный дискурс, представленный в текстах антикоррупционных организаций, выступлениях их лидеров, в материалах веб-сайтов и в различного рода информационных ресурсах, призванных формировать антикоррупционное сознание и учить правильно бороться с коррупцией. Анализ языка этих документов, способов репрезентации ценностей антикоррупционного сообщества позволяет понять, каким образом позиционируются различные субъекты и институты, какие принципы, механизмы и инструменты использует антикоррупционное движение в своей борьбе и какое знание предлагает обществу.

Теоретические предпосылки критического дискурс-анализа (КДА) содержатся в работах М. Фуко, но наиболее развернутые теория и практика этого типа анализа представлены в работах Н. Фейркло, Р. Водак и Т. ван Дейка (Водак, 2011; Wodak, 1995, 2011; Fairclough, 1992, 2001, 2011; van Dijk, 2009, 2001). Дальнейшее развитие их концепции получили в трудах М. Кросравника, К. Харта и др. (Hart, 2010; Krosravnik, 2013). Метод КДА помогает рассмотреть антикоррупционный дискурс с точки зрения репрезентации основных субъектов и отношений власти между ними и понять, каким образом аргументируется и легитимизируется деятельность антикоррупционных организаций. Для изучения антикоррупционных дискурсов многие авторы используют критические методы, которые демонстрируют, что любая критика существующей власти, любые протестные настроения формируют новую систему власти. В частности, примеры такого анализа представлены в статьях С. Сампсона (Sampson, 2012; Sampson, 2010), писавшего об «антикоррупционной индустрии», а также С. Андерссона, М. Буковански, А. Гебель, Б. Кайсиу, Г. Мальте, Дж. Родена, П. Хейвуда и др. (Gebel, 2012; Gephart, 2009; Kajsui, 2014; Krastev, 2001; Bukovansky, 2002). Антикоррупционный дискурс показан ими в тесной связи с дискурсом модернизации и неолиберализма, направленным на культивирование западных, «проамериканских» ценностей по отношению к странам третьего мира. Однако вопрос о существовании антикоррупционного дискурса, о его общих лингвосоциальных характеристиках, а также способах репрезентации основных субъектов антикоррупционного «поля битвы» до сих пор остается малоизученным.

Основным методом нашего исследования стал КДА, объектами которого выступили 32 документа, включающие следующие типы текстов:

- 1) Материалы веб-сайтов, информационные буклеты, брошюры, презентационные материалы общественных организаций, действующих на территории Германии, деятельность которых в той или иной степени связана с антикоррупцией, в частности Transparency International, Pro honore, DZI, Open Knowledge Foundation, EMS, Brot für die Welt, MEZIS.

- 2) Выступления лидеров организаций: программные выступления и статьи П. Эйгена, основателя Transparency International, и Р. ван Брекховена, руководителя международной общественной организации ICFO (International Committee on

Fundraising Organizations), предназначенные в основном для специализированной публики — топ-менеджеров и представителей органов власти.

3) Отчеты о деятельности организаций, содержащие результаты деятельности организации за определенный период, в частности отчеты Transparency International и Brot für die Welt.

4) Информационные материалы, направленные на приобретение знаний и умений в сфере антикоррупционной деятельности. Речь идет о документах Transparency International, которая разработала множество учебных пособий, содержащих основные антикоррупционные инструменты (anticorruption tools) и лучшие практики их применения в различных странах.

Критический дискурс-анализ как методология анализа институционального дискурса

В настоящее время дискурс-анализ приобрел форму междисциплинарного метода, опирающегося на результаты исследований разных наук. Существует множество определений дискурса в зависимости от используемого подхода (когнитивного, социолингвистического, прагматического, психологического и т. д.). Для реализации целей исследования мы будем использовать понимание дискурса, в основе которого лежит взаимосвязь с социальными практиками и социальными институтами.

Существенной в исследовании дискурса стала ориентация на когнитивные и социальные процессы. Дискурс создается в определенном смысловом поле и призван передавать определенные смыслы, нацелен на коммуникативное действие в особой языковой среде. Многообразие дискурсов вызвано тем, что языковые практики конструируются, как правило, для различных целей, аудиторий, ситуаций, происходят в конкретной социальной среде. Как пишут М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс, язык — это не просто канал передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении, а механизм, который конструирует социальный мир (Йоргенсен, Филлипс, 2008: 30–31).

Суждение Н. Фейркло в этом отношении еще более радикально, поскольку он определяет дискурс как использование языка в качестве формы социальной практики. Дискурс в его понимании представляется формой действия, посредством которого люди взаимодействуют с окружающим их миром и друг с другом, а также как форма репрезентации (Fairclough, 1992: 63). Эти два компонента являются, на наш взгляд, ключевыми и должны быть взяты за основу дальнейшего анализа.

Ван Дейк определяет КДА как тип дискурс-аналитического исследования, которое преимущественно направлено на изучение способов использования власти, доминирования и неравенства, представленные в тексте и выраженные в социально-политическом контексте (van Dijk, 2001: 352). Р. Водак дает следующее определение: «Критическая лингвистика анализирует как скрытые, так и прозрачные структуры отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, пред-

ставленные в языке. Другими словами, цель КДА — критически исследовать социальное неравенство как отраженное, обозначенное, конституируемое, легитимизированное и т. д. посредством использования языка» (Водак, 2011: 288).

Формирование глобального антикоррупционного проекта на международном уровне стало актуальным после эры холодной войны в связи с развитием международных связей, формированием международных организаций и союзов, в первую очередь в экономической сфере, развитием международных корпораций, совместных предприятий. Основным фактором расцвета антикоррупционной индустрии стало усиление экономических связей Запада, прежде всего США и развитых экономик Западной Европы, со странами третьего мира, коррупция которых имела эндемический характер. Взятничество и нецелевое использование средств на международном уровне существенно подрывали западную экономику и мешали ее активному продвижению в мире.

Антикоррупционный дискурс представляет собой систему, в которой существующие антикоррупционные практики находят свое обоснование, легитимизацию и воспроизводство. Субъектами антикоррупционного дискурса выступают как представители власти, выстраивающие антикоррупционное законодательство на глобальном, национальном и локальном уровнях, так и широкая общественность, представители бизнеса и т. д. На наш взгляд, главным субъектом антикоррупционного дискурса является гражданское общество, то есть антикоррупционные общественные организации, лидером среди которых на глобальной арене является Transparency International, созданная в 1993 году и имеющая филиалы в более чем 100 странах. Ряд исследований применили опыт КДА по отношению к антикоррупционному дискурсу. Учитывая рассмотрение особенностей КДА, представленное в трудах различных исследователей, и те тенденции, которые в нем выделяет Фейркло, попытаемся обосновать возможность применения КДА к антикоррупционному дискурсу (Gebel, 2012; Gephart, 2009; Kajsiu, 2014; Krastev, 2001).

Первая особенность метода КДА состоит в том, что он вращается вокруг социальных проблем, которые актуализируются и интерпретируются. Безусловно, коррупция является сегодня ведущей темой не только в политическом и экономическом дискурсе. Так, П. Эйген подчеркивает, что коррупция не только угрожает международным экономическим отношениям между странами, но и способствует развитию бедности, разрушает национальное богатство, сводит на нет международные и национальные усилия по реализации социальных проектов, включая социальные сервисы, защиту окружающей среды, образование и т. д., более того, угрожает миру и безопасности как на национальном уровне, так и во всем мире (Eigen, 2005: 73–77). Формирование образа врага в лице коррумпированной системы в целом и ее основных субъектов — главная особенность антикоррупционного дискурса, которая должна быть подвергнута критическому анализу.

Другой важной чертой метода КДА является его нацеленность на изучение отношений неравенства и власти. На первый взгляд кажется, что в борьбе с кор-

рупцией «все равны» и все должны мобилизовать усилия в этом направлении — государство, экономика, общество. Однако на этом поле имеются основные и второстепенные игроки. Ведущая роль принадлежит международным антикоррупционным организациям, которые и формируют антикоррупционный дискурс. А. Гебель показывает, каким образом концепция гегемонии может быть применена к анализу дискурса международных антикоррупционных организаций Всемирного банка, ООН и Transparency International. Она приходит к выводу, что дискурс международных антикоррупционных организаций репрезентирует неолиберальный проект и обладает всеми признаками отношений гегемонии. В частности, позиционирование гражданского общества как обладающего знаниями о коррупции и распространяющего его по всему миру уже является признаком гегемонии (Gebel, 2012: 68). Более того, эти организации обладают ресурсом измерения коррупции и его оценки, например, разработанным Transparency International всемирно известным индексом восприятия коррупции, который многие авторы также называют «инструментом контроля и доминирования» (Gephart, 2009: 14). В деятельности антикоррупционных организаций можно обнаружить многообразные формы отношений власти, неравенства, как, например, отношения между антикоррупционерами и их последователями, локальный и региональный уровни. Сложное и напряженное «равновесие» в отношениях между дискурсивными практиками различных групп и классов, о котором писал Н. Фейркло, наблюдается и в отношениях гражданского общества и государства в процессе реализации инструментов антикоррупционной политики.

Анализ антикоррупционного дискурса позволяет не только сконцентрироваться на отношениях неравенства и власти. В современных дискурсах отражены разнонаправленные социальные связи и отношения, которые трудно однозначно оценить как вертикальную иерархию, или отношения власти — подчинения, манипулирования и т. д. Поскольку в антикоррупционной политике участвует множество субъектов, то отношения между ними тоже многообразны, и это отражается и воспроизводится в дискурсе. Наличие институционально организованных акторов — коррупционеров, антикоррупционеров различного уровня и характера, последователей, рядовых граждан, представителей власти и бизнеса с присущими им социальными ролями также делает антикоррупционный дискурс предметом КДА.

Следует сказать и об идеологии, которая необходима представителям гражданского общества для эффективной борьбы с коррупцией. Каждая организация, так или иначе занимающаяся этой борьбой, формирует систему знания, обосновывающего ее деятельность. Например, основные идеологические послышки Transparency International содержатся как в программных речах основателя организации П. Эйгена, так и в различных пособиях, разработанных экспертами этой организации, представляющих собой обоснование и методические аспекты антикоррупционной практики.

Таким образом, антикоррупционный дискурс может выступать в качестве объекта критического дискурс-анализа, поскольку обладает основными признаками, которым должен, по мнению исследователей, соответствовать объект КДА.

Мы будем следовать логике метода критического дискурс-анализа, используемой Р. Водак, которая является основоположником так называемого дискурс-исторического подхода к реализации данного метода. В качестве первого этапа анализа дискурса она предлагает обоснование его целостности, или, иначе говоря, наличия дискурса как такового. В основе анализа на этом этапе лежит выявление «интертекстуальных и интердискурсивных отношений между высказываниями, текстами, жанрами и дискурсами» (Wodak, 2011: 48).

Методология: реализация стратегий в дискурсе

Важное направление в КДА — реализация стратегий дискурса. Между тем они могут использоваться для разных целей и, соответственно, должны иметь определенную взаимосвязь и логику, чтобы в совокупности раскрыть логику дискурса, ту картину мира, которую он представляет, что в КДА равнозначно «позитивной презентации себя и негативной презентации других». *Стратегию* мы будем понимать как концептуальный проект действий, «практик, направленный и адаптированный на достижение политических, социальных или лингвистических целей» (Wodak, 2011: 49). Существует множество подходов к логике КДА, но, на наш взгляд, ключевым является подход, основанный на том, какие социальные акторы присутствуют в дискурсе, как они позиционируются, какова их деятельность и в каком социальном контексте она происходит (Brown, Yule, 1983: 130; Fairclough, 2001: 125). Поскольку антикоррупция — это вид социальной активности, этот подход представляется нам наиболее перспективным для анализа антикоррупционного дискурса. Методологически он представлен в понимании функций дискурса Фейркло. Дискурс формирует:

- социального субъекта или субъектов, социальную идентичность этих субъектов, их социальную позицию (self);
- социальные отношения между людьми и социальное поведение;
- определенную систему знаний, картины мира.

Это соотносится с тремя функциями языка — идентификационной, реляционной и идеациональной. Идентификационная функция относится к тем формам, посредством которых идентичность формируется в дискурсе, реляционная функция показывает, как устанавливаются и развиваются социальные отношения между участниками дискурса; идеациональная функция — способы, которыми текст репрезентирует мир, процессы, явления и отношения (Fairclough, 1992: 64). Подобная структура представлена в работе М. Кросравника (Krosravnik, 2013: 199), который выделяет три ведущих уровня анализа стратегий дискурса: акторы, действия и аргументация. Мы также решили использовать эти три уровня в своем анализе, выбрав для каждого из них определенные стратегии, которые могут встречаться в

текстах антикоррупционного дискурса. Это движение от субъекта к знанию соотносится со многими концепциями дискурс-анализа, в том числе с методом «восхождения к теории», концепцией ван Дейка и др. Воспользуемся типологией стратегий, предложенной Р. Водак и развитой в работах М. Кросравника.

Первый уровень стратегий показывает, какие социальные субъекты представлены (или не представлены) в тексте и какими качествами они наделяются. Для этого уровня очень важны *референтные стратегии* — то есть качества и характеристики, которыми наделяются субъекты. Сюда относят, в частности, презентацию основных акторов, их роли и их контекстуальные определения (van Dijk, 2009: 130).

По отношению к субъектам могут быть использованы и *предикационные стратегии*, то есть оценки, которыми наделяются субъекты, а также идентификация акторов с различными социальными группами, их социальный статус и роль в этих группах, пространственная и временная отнесенность, общие характеристики членов группы (категоризация членства), персонализация (обращение к конкретным представителям группы) (Wodak, 1995: 208).

В случае антикоррупционного дискурса основными акторами будут выступать антикоррупционные организации, власть и бизнес. Между ними могут появляться различные субъекты, в частности последователи антикоррупционеров — те, кто являются «клиентами» антикоррупционных организаций, волонтеры, население и т. д.

В поле «действия акторов» частично включаются *аргументационные стратегии*. Это, как пишет Водак, основание позитивных или негативных установок о субъектах. Они также входят в поле «знание», так как для оценок необходимо формирование определенной картины мира, и здесь особенно важны различные подходы к коррупции, ее причинам, факторам и носителям, разрабатываемые идеологами организаций. Этот раздел анализа позволяет ответить на вопросы «Почему?», «Для чего создается дискурс?», увидеть в нем те или иные скрытые, дискуссионные и вызывающие интерес аспекты (Wood, Kroger, 2000: 92).

Последняя группа стратегий, по мысли Водак, направлена на преувеличение — преуменьшение значимости, т. е. квалификацию эпистемологического статуса тех или иных утверждений путем усиления — ослабления иллокутивной силы высказывания (Wodak, 2011: 49). Мы будем называть их *стратегиями легитимизации*, используя термин М. Кросравника (Krosravnik, 2013: 199), поскольку легитимация включает в себя обоснование действий акторов и формирование моделей поведения, основанных на определенной картине мира. Именно на этом этапе вступают в силу отношения власти, выраженные в дискурсе, и появляется «позитивное определение себя и негативное — других».

Что может быть выявлено в результате анализа? Во-первых, логика дискурса, т. е. определенная взаимосвязь между субъектами, их поведением, в результате чего складывается определенная картина мира, возникает определенное социальное знание, которое, по сути, представляет собой социальный конструкт, концеп-

туализацию социального института, сферы социальной жизни и т. д. Этот тематический конструкт ван Дейка мы будем обозначать как «топик» — картину мира, представленную в стратегиях поведения, в оппозициях и в теме дискурса. На этом этапе важна когезия как взаимосвязь между акторами, их действиями, выраженная лингвистическими средствами в виде различного рода синтаксических и грамматических конструкций. Топики представляют собой взаимосвязанные пропозиции (суждения, высказывания), объединенные в одно смысловое целое (van Dijk, 2009: 185). В некоторых русскоязычных источниках их обозначают так же как «темы» дискурса (Макаров, 2003: 82-83).

На этом этапе важны стратегии аргументации, то есть способы, посредством которых субъекты доказывают необходимость определенной идеологии или определенных стратегий поведения, насколько доказательны утверждения этих субъектов и какие приемы они используют. Полученная модель анализа антикоррупционного дискурса выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1
Модель анализа антикоррупционного дискурса

Функции языка	Функции дискурса	Компоненты дискурса	Стратегии
Идентификационная	Формирование социальной реальности	Социальные акторы	Референтные
Реляционная	Конституирование социальных отношений	Социальное поведение	Предикационные
Идеационная	Репрезентация картины мира	Социальное знание	Аргументация Легитимизация Топики

Антикоррупционный дискурс как продукт реконтекстуализации

Большинство организаций, тексты которых подверглись анализу, являются международными, соответственно, они действуют в глобальном информационном поле. Как указывает Н. Фейркло, современные выступления лидеров международных организаций, таких как Всемирный банк, ВТО, МВФ, и документы этих организаций представляют собой своеобразный «микст» дискурсов, причем достаточно сложно выделить, какой из дискурсов выходит на первый план. Так, например, анализируя выступления лидеров Всемирного банка и МВФ, он указывает, что в экономическом дискурсе появляются политические черты (Fairclough, 2001: 122).

Неолиберальные идеи свободного конкурентного рынка представлены в документах антикоррупционных организаций как фоновая ситуация, а также как механизм осуществления реформ. В частности, такой инструмент, как «Договор

о сотрудничестве» (Integrity Pact), разработанный и внедренный Transparency International в качестве инструмента контроля над процессами заключения госконтрактов и иных сделок между государственными, муниципальными структурами и частными компаниями, представлен в дискурсе как основанный на конкурентных механизмах и прозрачности, публичности имеющейся информации на разных этапах проведения сделок (Transparency International, 2013: 18). Маркетинговая и коммодификация современных дискурсов, по мысли Фейркло, приводят к тому, что многие элементы экономического дискурса могут включать в себя, например, элементы управленческого и рекламного дискурсов. В частности, Фейркло выделяет два ведущих дискурса, репрезентирующих международные организации, — дискурс экономического развития и политический дискурс (Fairclough, 2011).

Наиболее ярко антикоррупционные ценности отражаются в так называемых выступлениях лидеров организаций, в которых содержатся, в частности, «методология» антикоррупционной борьбы, ее программные идеи и принципы. «Соглашение об отказе от дачи и получения взяток, подписываемое всеми участниками большинства государственных контрактов, предназначено для освобождения свободного бизнеса от дилеммы получить взятку либо быть конкурентоспособным в процессе торгов» (Eigen, 2004: 18). Предоставление возможностей конкуренции, свободный рынок являются одними из условий борьбы с коррупцией и одновременно базовыми компонентами нелиберального дискурса. «Всемирная забота о повышении качества управления никогда не была столь высока», — пишет П. Эйген, демонстрируя, с одной стороны, глобальность антикоррупционного дискурса, а с другой — изменение взгляда на коррупцию и понимание необходимости глобализации самих форм борьбы с ней. «Настрой правительств и частного сектора стремительно меняется», — отметил он в выступлении на форуме, организованном Всемирным банком (Eigen, 2005: 74). Осознание необходимости борьбы с коррупцией с неизбежностью приравнивается к признанию ведущей роли гражданского общества и международных антикоррупционных организаций в этой сфере.

Проанализируем еще одну сентенцию, представленную в Отчете TI 2012 года. Она предваряется заголовком «Назад в 1993 год», то есть предполагается экскурс в тот период, когда организация Transparency International была основана. «В то время как коррупция способствует краже ресурсов у наиболее уязвимых людей во всем мире, даже разговоры о ней являются табу. Наступает время перемен. Несколько самоотверженных людей создают новую организацию с четким сообщением: коррупция должна и может быть остановлена. Так появилась Transparency International» (TI, 2012: 2). Сентенция содержит несколько программных утверждений, которые в той или иной форме представляют собой основные принципы антикоррупционного дискурса и позиционируются как элементы «общего» знания:

- Коррупция приводит к потере ресурсов.
- От коррупции страдают прежде всего наиболее социально уязвимые слои населения.

- Коррупция — социально опасное явление, борьба с ней и даже разговор о ней часто связаны с риском.
- В настоящее время происходят активные изменения, знаменующие осознание необходимости борьбы с коррупцией.
- Коррупция может и должна быть остановлена.
- Т1 сформировано, чтобы бороться с коррупцией.

Высказывание включает глаголы в настоящем времени, хотя речь идет о прошлом. Это создает впечатление непреложной истины. Субъекты, акторы остаются неизвестными, облакаются в некий ореол тайны. Интересен параллелизм фраз, предназначенный для воздействия на читателя как некая догма, которой нужно верить и следовать непреклонно. Между этими высказываниями существует не только временная, но и причинно-следственная, а также ассоциативная связь. Мы наблюдаем здесь явление когезии, то есть «отношения взаимосвязи, устанавливаемые в тексте, с целью связать его воедино» (Brown, Yule, 1983: 191). Однако ван Дейк подчеркивает, что эта взаимосвязь в тексте преследует функцию формирования ментальной модели и картины мира. Он использует термин «когерентность» для обозначения взаимозависимости из взаимосвязи высказываний, формирующей определенную картину мира. Можно утверждать, что приведенные высказывания когерентны, поскольку формируют картину мира, представляющую осознание коррупции как глобальной проблемы, как угрозу, с которой необходимо бороться силами международных общественных организаций.

Фейркло выделяет две основные тенденции формирования неолиберального дискурса — глобализация и новый экономический порядок. Важной чертой современного дискурса он считает репрезентацию социальных изменений. Новый экономический порядок и глобальная трансформация являются непреложными истинами и не подвергаются сомнению. Для иллюстрации этого принципа Фейркло использует высказывание М. Тэтчер «Нет альтернативы» («There is no alternative» — TINA). «Альтернативные пути организации международных отношений, например, в преодолении разницы между богатыми и бедными... исключаются из политических целей посредством этих репрезентаций» (Fairclough, 2001: 129). Принцип TINA прекрасно работает в отношении коррупции и способов борьбы с ней, в особенности это касается необходимости консолидации сил на глобальном уровне по борьбе с коррупцией и признания ведущей роли гражданского общества и, в частности, определенных НКО в этом процессе. Многие авторы находили взаимосвязь коррупционного дискурса с неолиберальным (Andersson, Heywood, 2009; Bukovansky, 2002; Gebel, 2012; Gephart, 2009; Kajsia, 2014).

Документы антикоррупционных организаций содержат основные компоненты неолиберального дискурса, выделенные Фейркло. В них провозглашается приход новой эры как неизбежные социальные изменения, прежде всего касающиеся осознания необходимости и важности борьбы с коррупцией. Изменения позиционируются так же как некая фоновая ситуация, в условиях которой происходит борьба с коррупцией — глобальные изменения и формирование новых

демократий и институтов свободного рынка как необходимых условий успешности антикоррупционной борьбы. Основные положения и высказывания относительно инструментов борьбы с коррупцией, ее субъектов и других особенностей, представляются как неоспоримые истины. Неолиберальный характер антикоррупционного дискурса проявляется и в его языковых особенностях, в частности в использовании настоящего времени и модальности долженствования, а также декларативного характера основных принципов антикоррупционной борьбы.

Субъекты антикоррупционного дискурса: референциальные стратегии

Первый тип стратегий — это стратегии референции, то есть способы, которыми основные субъекты показываются и оцениваются. К ним относятся стратегии самореференции: как антикоррупционные организации позиционируют себя и свои взаимоотношения с другими субъектами. Это можно назвать «мы-концепцией» дискурса, поскольку основное местоимение, которое присутствует в самоописании, — это «мы». «Мы одобряем и поддерживаем эти инициативы» (Eigen, 2004: 21). «Мы нуждаемся в изменении культуры...» (Open Knowledge Foundation, 2015). Тем не менее местоимение «мы» может иметь разное содержание, например, организации позиционируют себя как коллективный субъект: команда или сеть.

Главными субъектами антикоррупционной деятельности, организуемой гражданским обществом, или углами «антикоррупционного треугольника», являются сами антикоррупционные общественные организации (как лидеры антикоррупционного движения), правительства (власть, национальные государства) и бизнес (организации, компании). Если способы самоидентификации антикоррупционных организаций характеризуются общими тенденциями, то их взаимоотношения с другими субъектами на поле антикоррупционной борьбы несколько отличаются в зависимости от типа и функций организации. Посмотрим, как позиционируются органы власти в материалах этих организаций.

С одной стороны, национальные власти демонстрируются как слабые и неспособные самостоятельно справиться с коррупцией: «Правительства не могут в одиночку надеяться на победу над коррупцией» (Transparency International, 2000: 17). «Национальные правительства просто не имеют того охвата, который требуется для регулирования глобальной экономики» (Eigen, 2013: 1290).

Главная причина этого состоит в том, что государство само по себе — основной носитель проблемы коррупции. В документах организаций приводится масса примеров вовлеченности национальных правительств в коррупционные сделки. В первую очередь упоминаются наименее развитые страны Африки и Латинской Америки: «В апреле 2002 года суд выдвинул обвинения против бывшего президента Никарагуа Арнольдо Алемана и нескольких чиновников его правительства за мошенничество, хищение и ненадлежащее использование государственных средств в области телевидения» (Eigen, 2004: 3).

Другая немаловажная причина неспособности государства бороться с коррупцией самостоятельно — недостаточное внимание к гражданскому обществу: «Главный отсутствующий ингредиент — включение гражданского общества [в борьбу с коррупцией]» (Transparency International, 2000: 28).

Государство нуждается в помощи, в поддержке, в создании коалиций с гражданским обществом и частным сектором. В создании коалиций и состоит основной подход Transparency International. В этом отражается напряженное взаимодействие гражданского общества, государства и бизнеса, о котором говорит П. Эйген и которое является принципиально важным для успешности антикоррупционной политики: «Создание коалиций остается одним из ключевых принципов в нашей деятельности — оно требует также сложнейших балансирующих действий, которые TI и другие общественные организации осуществляют ежедневно: как сохранить достаточную дистанцию от политических и коммерческих лидеров и в то же время сотрудничать с ними для успешных изменений» (Transparency International, 2001: 3).

В этом напряженном взаимодействии общественные организации подчеркивают свою лидерскую функцию и особую роль гражданского общества в борьбе с коррупцией. Следует отметить, что доказательства подобной особой функции достаточно скудные. В частности, в документах показано, что и государства, и бизнес сами являются частями коррупционной системы, в то время как гражданское общество — независимым антикоррупционным агентом. «Правительства и частный сектор терпят неудачу в области контроля транснациональной коррупции. Это удается сделать благодаря активности гражданского общества, его способствующего изменениям негодования к коррупционным лидерам и институтам» (Eigen, 2004: 13). Лидирующая роль гражданского общества в документах и докладах Transparency International представлена как данность в виде пресуппозиций, как некое общее знание.

Стратегии аргументации: репрезентация коррупции в дискурсе

Коррупция требует немедленных глобальных решений, поэтому необходимо в начале выявить основные способы ее репрезентации в документах антикоррупционных организаций. Эту задачу берет на себя Transparency International, а многие другие организации уже ссылаются на данные ею определения и классификации коррупции.

Наиболее популярная метафора для изображения коррупции — «раковая опухоль», «рак», который распространяется с катастрофической скоростью (Transparency International, 2000: 11). Также коррупция наделяется признаками опасного скрытого врага, который «разрушает», «угрожает», «ударяет», «деформирует», оставляя за собой множество жертв по всему миру. «Нельзя назвать одну конкретную жертву коррупции. Как правило, все общество страдает от нее, особенно наиболее уязвимые представители... Бич коррупции создает барьеры для

позитивных изменений...» (Eigen, 2004: 2). Еще один аспект коррупции связан с ее моральным аспектом, разложением нравственных принципов и ценностей. «Коррупция как моральная проблема представлена так же, как „истинное зло“» (Transparency International, 2000: 1).

Очень важный момент в определении коррупции отмечен А. Гебель: «Все определения коррупции основываются на различии между публичной и частной сферами» (Gebel, 2012: 127). Это, утверждает она, ключевое различие, характерное для современных западных либеральных систем, восходящих еще к XVI–XVII вв., теорий естественного права и общественного договора, ограничивающих власть государства параллельно с развитием правовой мысли.

Другие предикации коррупции составляют несколько важнейших особенностей, которые необходимо выделить в качестве ключевых ее характеристик. Большинство характеристик представлены в документах TI, так как именно ей принадлежат наиболее развернутые определения коррупции и рассуждения о ее особенностях и последствиях в современном обществе.

1) Глобальный характер коррупции — осознание коррупции как всемирной, глобальной проблемы, которая не знает национальных границ и распространяется во всех странах.

2) Универсальный характер коррупции — она охватывает различные сферы и виды общества, уровни социального развития. Всеохватывающий характер коррупции неоднократно подчеркивается в различных документах TI. Коррупция проникает во все сферы общественной жизни и в разные культуры. «Вызов коррупции по-настоящему универсален» (Transparency International, 2001: 1).

3) Многообразие видов коррупции, представленных в антикоррупционных материалах организаций, прежде всего TI, на сайте которой содержатся учебные пособия, словарь, где подробно описаны основные виды и типы коррупции и подчеркивается множественность ее типов.

4) Опасность проблемы коррупции с точки зрения ее последствий и взаимосвязанности с другими социальными проблемами. В частности, коррупция угрожает развитию свободного рынка, приводит к потере ресурсов.

5) Коррупция часто носит системный характер, особенно в развивающихся странах, где считается нормальной и даже необходимой.

6) Коррупция носит постоянный характер и, несмотря на борьбу с ней, продолжает приобретать все более изощренные формы: «Коррупция в государственных органах власти продолжает процветать» (Transparency International, 2000: 9).

Приведенные характеристики необходимы для того, чтобы подчеркнуть, что коррупция — глобальный вызов современности наряду с терроризмом, бедностью, загрязнением окружающей среды, войнами и т. д. Этот смысл коррупции роднит антикоррупционный дискурс с политическими речами и документами других международных организаций (ООН, Всемирного банка) против терроризма, бедности, загрязнения окружающей среды, политических речей национальных лидеров, создающих образ врага и призывающих к немедленной коллективной

борьбе с ним. «Коррупция — один из величайших вызовов эпохи — вызов, который может и должен быть побежден» (Eigen, 2004: 15).

Коррупция угрожает стабильности и безопасности во всем мире. «Коррупция крадет жизненно важные ресурсы у наиболее уязвимых слоев населения и угрожает национальной стабильности и безопасности» (Transparency International, 2012: 25).

Другое важнейшее последствие коррупции — угроза демократии. «Коррупция представляет собой прямую угрозу демократическим институтам» (Eigen, 2004: 2).

Основная задача подобных утверждений — показать, что с коррупцией можно и нужно бороться. Если понимать коррупцию как продукт культуры, то, во-первых, возможность бороться с ней и мобилизация усилий для этой цели ставится под вопрос, а во-вторых, трудно подобрать более или менее универсальные инструменты для борьбы с ней. Между тем инструменты, предлагаемые ТИ, носят именно универсальный характер. Таким образом, самолегитимация международных антикоррупционных организаций требует подобного универсального подхода. Так, в отчете 2012 года указывается, что инструменты, предложенные ТИ, могут быть полезны и успешны для борьбы с коррупцией во всем мире.

С другой стороны, ТИ постоянно подчеркивает, что коррупция особенно характерна для развивающихся стран третьего мира — Азии, Африки, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, для диктаторских и тоталитарных режимов, а также для бедных стран. Во-первых, страны с «новыми демократиями», находящиеся в ситуации трансформации, формирования новой экономической и политической инфраструктуры, согласно идеологам ТИ, наиболее подвержены риску коррупции. Финансирование этих стран со стороны международных фондов и организаций, таких как Всемирный банк, ЕС и т. д., увеличивается, но в связи с коррупцией большая часть денег не доходит до цели: «Коррупция — наиважнейшая причина неудачи реформ, и поэтому еще большую опасность она представляет в развивающихся странах» (Eigen, Fisman, Githongo, 2008: 3)

Во-вторых, в развивающихся странах, как правило, наблюдаются недостаток политической воли правительств, отсутствие общественной поддержки (poor governance, failing governance), недостаточный уровень доверия к власти и проблемы с имплементацией основных антикоррупционных законов: «во многих странах внедрение реформ терпит неудачу», «общий недостаток общественного доверия» (Eigen, 2004: 2–3).

Легитимизация гражданского общества как субъекта борьбы с коррупцией и оппозиции антикоррупционного дискурса

Наиболее эффективным способом борьбы с коррупцией, согласно антикоррупционному дискурсу, является организованное гражданское общество, действующее под руководством международных организаций (organized civil society). Именно глобальное управление антикоррупционными процессами силами антикоррупци-

онных общественных организаций, по мысли П. Эйгена, может спасти развивающиеся страны и все мировое сообщество от коррупции (Eigen, 2005: 73).

Необходимость нового глобального управления экономическими и политическими процессами как ответ на новые вызовы глобальных процессов — одна из основных черт неолиберального дискурса, о котором писал Фейркло. Ведущую роль международных антикоррупционных организаций подтверждают «высказывания о новой экономике, представленные категориально как авторитетные и бесспорные истины, как движение от того, что „есть“, к тому, что должно быть и что мы должны делать в ответ на это» (Fairclough, 2001: 131).

Организованное гражданское общество легитимизировано также указанием на поддержку широких слоев населения, которое не желает больше терпеть коррупционные правительства. Как отмечает Харт, конструирование принадлежности к группе может достигаться формированием позитивных эмоций по отношению к «своей» группе (in-group), желания принадлежать к ней, эффекта солидарности, связи, чувства безопасности и психологического комфорта от сознания общности с другими людьми, в особенности со «значимыми другими» (Hart, 2010: 60). Для создания подобной значимости международных организаций используются различные лингвистические приемы, например, антитеза, показывающая, что обычный человек может стать необычным, если будет бороться с коррупцией: «Обычные люди делают необычные вещи, когда встают против коррупции» (Transparency International, 2012: 49).

Рассмотрим вкратце основные инструменты и принципы деятельности анализируемых организаций. Поскольку коррупция глобальна, то и деятельность по борьбе с ней приобретает глобальный характер. Глобализация антикоррупционного дискурса, по мысли И. Крастева, связана с такими тенденциями, как конец холодной войны, развитие тенденций «надлежащего управления» (good governance), рост организованной преступности, усиление влияния глобального рынка и гражданского общества (Krastev, 2001). Однако глобальный характер антикоррупционной повестки дня не исключает национальный и локальный уровни — они все должны работать в комплексе: «Усиление гражданского общества предполагает строить коалиции против коррупции на глобальном, национальном и локальном уровнях» (Eigen, Fisman, Githongo, 2008: 4).

Антикоррупционные инструменты предлагают всеохватность как географическую (глобальный, национальный, локальный уровни), так и социальную («сверху вниз и снизу вверх»): «...мы работаем сверху вниз и снизу вверх, призывая мировых доноров к финансовой прозрачности и подотчетности, и работаем на низовом уровне для понимания и защиты сообществами своих прав» (Transparency International, 2012: 7).

Как коррупция, так и способы борьбы с ней имеют глобальный и универсальный характер, обладают свойствами системности и представлены в многообразных формах. Для того чтобы борьба с коррупцией была эффективной, она должна обладать теми же характеристиками. Подобную оппозицию можно назвать *зер-*

кальной. Это ответ на вызовы, которые предъявляет коррупция мировому обществу. «Ведущие финансовые организации характеризуются глобализованной коррупцией как приемлемым инструментом ведения бизнеса; борьба с коррупцией также должна быть глобализована» (Transparency International, 2000: 10).

Анализ антикоррупционного дискурса показывает также наличие прямой оппозиции между коррупцией и антикоррупционизмом. Подобные антитезы выступают репрезентацией «положительного представления себя (то есть антикоррупционизма и его субъектов) и отрицательного представления других (коррупции и коррупционеров)», являющихся ключевым аспектом в критическом дискурсе-анализе.

По отношению к коррупционерам часто используются слова с негативным оттенком типа «мертвые души», «предатели», «диктаторы», а по отношению к активистам антикоррупционного движения — выражения «выдающиеся, экстраординарные люди», «солдаты демократии», «чемпионы гражданского мужества» и т. д. Налицо также сопоставление коррупции с тоталитарными и диктаторскими режимами, нарушением прав человека, плановой экономикой, а антикоррупции — с демократией. «При тоталитарных режимах коррупция часто напрямую связана с нарушением прав человека» (Transparency International, 2000: 7). «Наши ключевые ценности — прозрачность, подотчетность, честность, солидарность, право и демократия» (Transparency International, 2015: 2). Не вызывает сомнений, что демократические режимы способствуют соблюдению прав человека, развитию честности, прозрачности и качественного управления.

Добиться открытости и прозрачности в принятии властных решений и построить «мосты доверия» между властью, бизнесом и обществом позволит лишь опора на «свободное и бдительное гражданское общество» (a free and vigilant civil society). Антикоррупционизм ассоциируется не только с демократией, но и с безопасностью и устойчивым развитием (security, sustainable world), в то время как коррупция — с отчуждением, войной и терроризмом: «Атмосфера отчаяния и отчуждения служит почвой для конфликта, войны и террора» (Eigen, 2004: 4).

Позитивно окрашенные предикации и референции относительно антикоррупционных субъектов и действий изобилуют метафорами, эпитетами и красочными сравнениями. Одним из популярных является метафоричное изображение отношений гражданского общества с государством и бизнесом как «магического треугольника»: («...», magic triangle“ of state, private sector and civil society») (Eigen, 2004: 23).

Антикоррупционеры строят «мосты доверия» (van Broekhoven, 2013: 175), как Давид, вступают в бой с Голиафом (Transparency International, 2000: 10), поскольку «раковая опухоль» коррупции (Ibid.: 13) продолжает разрастаться в мире, бросая эпохе все новые вызовы. Рассматривая действия, осуществляемые субъектами (коррупционерами и антикоррупционерами), а также соотносящиеся с понятиями «коррупция» и «борьба с коррупцией», следует в первую очередь отметить явно

бросающееся в глаза противопоставление деструктивных и конструктивных стратегий.

Действия коррупции и коррупционеров, как уже отмечалось, связаны с созданием препятствия для развития, с разрушением, разложением и порчей. Между тем действия гражданского общества, всего антикоррупционного движения связаны с конструктивными стратегиями, действиями, с силой и уверенностью. Подобные действия, как правило, осуществляются успешно и эффективно. Инструменты характеризуются такими свойствами, как «беспристрастность», «доверие» и «эффективность». По отношению к коррупционерам гражданское общество использует активные контролирующие и стимулирующие действия, такие как «занесение в черный список», «публичная огласка» (*naming and shaming*), «давление», «контроль». В соответствии с главным подходом международного антикоррупционного движения, связанным с формированием коалиций и выстраиванием «мостов доверия» между различными субъектами, в действиях антикоррупционеров часто обнаруживаются стратегии «коллективизации», объединения, интеграции: «Вместе мы можем оставить коррупцию в прошлом» (*Transparency International, 2012: 14*).

Другой немаловажный аспект — трансформирующая активность антикоррупционного движения. Во-первых, в антикоррупционном дискурсе просматривается антитеза старого и нового. «Наша уверенность сейчас сильнее, чем когда-либо» (*Transparency International, 2000: 11*); «Теперь мы проснулись» (*Ibid.: 14*); Лидер ISFO определяет политику информационной открытости как «*new policy*» (*van Broekhoven, 2013: 163*), а теоретики *National Integrity System* указывают, что наиболее сложная проблема, с которой сталкиваются лидеры антикоррупционного движения, — изменение ментальности людей (*Transparency International, 2001: 24*).

Изменения приходят постепенно, поскольку антикоррупционная стратегия предполагает долговременный подход. Фейркло, описывая особенности репрезентации трансформаций в неолиберальном дискурсе, называет это «*drip-effect*», т. е. постепенное, «капля за каплей», изменение ценностей, установок, поведения средствами массмедиа (*Fairclough, 2001: 133*). Антитезы, по Фейркло, служат важными признаками политического дискурса, который, однако, в результате реконтекстуализации смешивается с другими дискурсами, жанрами и стилями. Крайней формой противопоставлений, используемых в политическом и медиадискурсах, является моральное противопоставление добра и зла, обладающее наиболее мощной убеждающей силой. Не обошло подобное противопоставление и антикоррупционный дискурс. В нем постоянно подчеркивается, что коррупция — это моральная проблема, которая часто, особенно в высказываниях Эйгена, обозначается как «зло»: «Борьба с коррупцией является моральной, независимо от религий и типов обществ по всему миру» (*Transparency International, 2000: 14*). «Верхушечная коррупция — одно из зол...», «Зло коррупции растет...» (*Eigen, 2004: 17*).

Использование антитезы добра и зла можно проиллюстрировать также замечанием ван Брекховена, в котором организация бескорыстной помощи людям, осу-

ществляемая гражданским обществом, противопоставлена аморальной «покупке друзей» коррупционерами, «помогающими» людям за деньги. Сборник материалов Т1 указывает на «пришествие нового глобального просвещения», что наряду с использованием параллелизма роднит подобное высказывание с известными религиозными текстами: «Мы наблюдаем рассвет нового и глобального просвещения. Давайте работать на возрождение идей, которые породили наши демократии и сформировали наши правительства, за наше будущее, которое будет безопасным только путем стойкой приверженности этим же идеалам» (Transparency International, 2000: 13).

Множество других бинарных оппозиций, выделенных нами в антикоррупционных текстах, представлены в таблице 2.

Таблица 2
Оппозиции антикоррупционного дискурса

Коррупция (и ее аналоги)	Антикоррупционизм
диктаторство, тоталитаризм, автократические режимы	демократия, свобода самовыражения, плюрализм
война, конфликт, террор	мир, толерантность
материальная выгода	гражданское участие, общественная активность, социальный капитал
финансовый капитал	истина, честь
ложь	помощь людям
покупка друзей	устойчивый мир, основанный на доверии
нищета, безнадежность	открытое и честное правительство
авторитарные элиты	доверие, ясное взаимопонимание, прозрачность
дискредитация власти, недоверие народа к власти	

Как видим, коррупция и антикоррупционизм противопоставляются в различных ракурсах — политическом, экономическом, моральном. Задача подобных противопоставлений — подтвердить значимость и важность деятельности антикоррупционных организаций, их ведущую роль в борьбе с коррупцией, в достижении прозрачности различных социальных институтов. Понимание коррупции как крайне опасной, глобальной, универсальной социально значимой проблемы с неизбежностью требует столь же универсальных, всеохватывающих и действенных механизмов борьбы с ней. Многие авторы, обнаруживая проблему гегемонии в антикоррупционном дискурсе, указывают, что этот дискурс выступает одним из многочисленных западных международных проектов по формированию демократических институтов в развивающихся странах, навязывания западной рациональности и т. д.

Основные выводы

Антикоррупционный дискурс не только демонстрирует все современные тенденции, присущие дискурсам позднего капитализма, но и способствует формированию нового типа дискурса. Это помогает понять, что антикоррупционный дискурс представляет собой разновидность неолиберального дискурса, направленного на распространение демократических режимов и принципов свободного рынка на глобальном уровне.

Референциальные и предикационные стратегии показывают, что главными субъектами антикоррупционной деятельности, организуемой гражданским обществом, являются антикоррупционные общественные организации (как лидеры антикоррупционного движения), правительства (власть, национальные государства) и бизнес (организации, компании). Гражданское общество, согласно документам международных организаций, берет на себя лидерскую функцию в борьбе с коррупцией, что подчеркивается демонстрацией слабости государства и бизнеса в борьбе с коррупцией и их потребности в поддержке со стороны гражданского общества.

Аргументационные стратегии и стратегии легитимации демонстрируют, почему необходимо бороться с коррупцией и как это делать наиболее эффективно. Коррупция в дискурсе предстает как глобальное, универсальное, сложное и чрезвычайно опасное явление, которое носит системный характер, особенно в развивающихся странах. Она угрожает мировой экономике, безопасности и демократии. Для обоснования тезиса о том, что наиболее эффективный способ борьбы с коррупцией — это деятельность организованного гражданского общества, действующего под руководством международных организаций, подчеркивается, что государства и представители бизнес-сообщества не в состоянии самостоятельно бороться с коррупцией и осознают свою беспомощность, оказавшись во власти «порочного круга» и «дилеммы узника» (Eigen, 2004: 3).

Топик дискурса демонстрирует основные характеристики антикоррупционизма, которые образуются по принципу «зеркального ответа» — глобализм, универсальный характер, системный характер, множественность проявлений. Для того чтобы борьба с коррупцией была эффективной, она должна обладать теми же характеристиками. Зеркальность является ответом на вызовы, которые коррупция предъявляет мировому сообществу. Другой вид оппозиций включает прямое противопоставление коррупции и антикоррупционизма в использовании определенных слов и выражений, которые выступают репрезентацией положительного представления себя (то есть антикоррупционизма и его субъектов) и отрицательного представления других (коррупции и коррупционеров), являющихся ключевым аспектом в критическом дискурс-анализе.

Попытка анализа антикоррупционного дискурса в современной науке далеко не первая. Этот вид дискурса интересует исследователей, с одной стороны, в связи с актуальностью и опасностью самой проблемы коррупции во всем мире и разви-

тием «антикоррупционной индустрии» в ее многообразных дискурсивных проявлениях. С другой стороны, антикоррупционный дискурс демонстрирует общность с другими видами дискурса, которые становятся популярными в последнее время и часто используются для воздействия на общество, и призыва, мотивации к определенным действиям, а также формирования определенных ценностей. Такие дискурсы, как правило, формируются как ответ на глобальные проблемы — войны, терроризма, экологической угрозы и т. д.

Антикоррупционный дискурс подвергается критике и активно обсуждается в первую очередь в рамках критического дискурс-анализа и радикальных течений в социально-политических науках. Главный аргумент состоит в том, что антикоррупционный дискурс представляет собой попытку «поставить лицом к лицу развивающиеся и развитые страны» (Kajsiu, 2014: 41), создать концептуальную «карту мира» в терминах коррупции и заставить не только гражданское общество разных стран, но и правительства и бизнес этих стран действовать в соответствии с этой картой. Мы показали, что неолиберальный дискурс, разновидностью которого является антикоррупционный дискурс, формируется посредством определенных языковых средств, которые в рамках конкретных текстов объединяются в стратегии, помогающие формировать концептуальную схему, основанную на системе знаний, ценностей, схем поведения, обладающих благодаря этим стратегиям потрясающей убеждающей и конструирующей силой.

Литература

- Водак Р. (2011). Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Пер. с англ. В. И. Карасика // Политическая лингвистика. № 4(38). С. 287–291.
- Макаров М. Л. (2003). Основы теории дискурса. М.: Гнозис.
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. (2008). Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. А. А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный центр.
- Andersson S., Heywood P. (2009). Anti-corruption as a Risk to Democracy: On the Unintended Consequences of International Anti-corruption Campaigns // de Sousa L. (ed.). Governments, NGOs and Anti-corruption: The New Integrity Warriors. New York: Routledge. P. 33–50.
- Brown G., Yule G. (1983). Discourse Analysis. London: Cambridge University Press.
- Bukovansky M. (2002). Corruption Is Bad: Normative Dimensions of the Anti-corruption Movement. Available at: <https://digitalcollections.anu.edu.au/bitstream/1885/40136/3/02-5.pdf> (accessed 16 June 2015).
- Eigen P. (2004). Chasing Corruption Around the World: How Civil Society Organizations Strengthen Global Governance. Available at: <http://iis-db.stanford.edu/evnts/3922/Eigen10'04.pdf> (accessed 16 June 2016).
- Eigen P. (2005). Transparency International: The Fight against Corruption // Kochendörfer-Lucius G., Pleskovic B. (eds.). Investment Climate, Growth, and Poverty. Washington: The International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank. P. 73–76.

- Eigen P.* (2013). International Corruption: Organized Civil Society for Better Global Governance // *Social Research*. Vol. 80. № 4. P. 1287–1308.
- Eigen P., Fisman R., Githongo J.* (2008). Fighting Corruption in Developing Countries. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/79084> (accessed 16 June 2015).
- Fairclough N.* (1992). *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.
- Fairclough N.* (2001). Critical Discourse Analysis as a Method in Social Scientific Research // *Wodak R., Meyer M.* (eds.). *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage. P. 121–138.
- Fairclough N.* (2011). Discursive Hybridity and Social Change in Critical Discourse Analysis. Available at: https://www.academia.edu/3776026/Discursive_hybridity_and_social_change_in_Critical_Discourse_Analysis_201 (accessed 3 July 2015).
- Gebel A. C.* (2012). *The Ideal Within: A Discourse and Hegemony Theoretical Analysis of the International Anticorruption Discourse*. Thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Department of International Politics. Aberystwyth University.
- Gephart M.* (2009). *Contextualizing Conceptions of Corruption: Challenges for the International Anti-corruption Campaign*. GIGA.
- Hart C.* (2010). *Critical Discourse Analysis and Cognitive Science: New Perspectives of Immigration Discourse*. New York: Palgrave Macmillan.
- Kajsiu B.* (2014). *A Discourse Analysis of Corruption: Instituting Neoliberalism Against Corruption in Albania, 1998–2005*. Farnham: Ashgate.
- Krastev I.* (2001). When «Should» Does Not Imply «Can»: The Making of the Washington Consensus on Corruption. Available at: <http://www.colbud.hu/honesty-trust/krastev/pub01.pdf> (accessed 23 September 2015).
- Krosravnik M.* (2013). Actor Descriptions, Actor Attributions, and Argumentation: Toward a Systematization of CDA Analytical Categories in the Representation of Social Groups // *Wodak R.* (ed.) *Critical Discourse Analysis*, Vol. 2. London: Sage. P. 187–209.
- Open Knowledge Foundation. (2015). *Vision and Values*. Available at: <https://okfn.org/about/vision-and-values/> (accessed 11 June 2015).
- Sampson S.* (2012). *A Culture of Compliance: Developing Standards of Fighting Corruption*. Paper delivered at the American Anthropological Association Annual Meeting. (San Francisco, November 2012).
- Sampson S.* (2010). *Integrity Warriors* // *Johnston M.* (ed.). *Public Sector Corruption*. London: Sage. P. 313–349.
- Transparency International. (2000). *The TI Source Book*. Available at: <http://archive.transparency.org/publications/sourcebook/> (accessed 5 June 2015).
- Transparency International. (2001). *The National Integrity System: Concept and Practice*. Available at: https://www.transparency.org/files/content/nis/NIS_Background_Methodology_EN.pdf (accessed 16 June 2015).

- Transparency International. (2001). Annual Report 2001. Available at: http://archive.transparency.org/publications/publications/annual_reports/annual_report_2001 (accessed 13 July 2015).
- Transparency International. (2012). Annual Report 2012. Available at: http://www.transparency.org/whatwedo/publication/annual_report_2012 (accessed 4 July 2015).
- Transparency International. (2013). Integrity Pact in Public Procurement: An Implementing Guide. Available at: TI http://www.transparency.org/whatwedo/tools/resources_about_integrity_pacts (accessed 16 June 2015).
- Transparency International. (2015). Together Against Corruption: Transparency International Strategy 2020. Available at: www.transparency.org/whatwedo/publication/together_against_corruption (accessed 16 June 2015).
- van Broekhoven R. A.* (2013). The Challenges of Transparency and Accountability // Bridges of Trust: Independent Monitoring of Charities: A Comparative Overview of ICFO Members and Their Monitoring Methodologies. Amsterdam: ICFO. P. 160–176.
- van Dijk T. A.* (2001). Critical Discourse Analysis // *Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.* (eds.). The Handbook of Discourse Analysis. Oxford: Blackwell. P. 352–371.
- van Dijk T. A.* (2009). Society and Discourse: How Society Context Is Influence Text and Talk. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wodak R.* (1995). Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // *Verschueren J. et al.* (eds.). Handbook of Pragmatics. Amsterdam: John Benjamins. P. 204–210.
- Wodak R.* (2011). Critical Discourse Analysis // *Hyland K., Paltridge B.* (eds.). Continuum Companion to Discourse Analysis. London: Continuum. P. 38–53.
- Wood L. A., Kroger R. O.* (2000). Doing Discourse Analysis: Methods for Studying Action in Talk and Text. London: Sage.

“Together, We Can Make Corruption a Thing of the Past”: Strategies of and Oppositions to the Anticorruption Discourse

Marina Makarova

Professor, Department of Sociology and Philosophy, Udmurt State University

Address: Universitetskaya, 1, Izhevsk, Russian Federation 426034

E-mail: makmar1@mail.ru

The main aim of the research is to discover the ways of the realization of the main strategies of the anticorruption discourse using the method of critical discourse analysis. The sources of the investigation are the texts of international anticorruption organizations, specifically, “Transparency International”. The intertextuality and interdiscursivity of the anticorruption discourse demonstrate not only all of the trends that characterized the discourse of later capitalism, but also led to the creation of a new type of discourse. Anticorruption discourse is the kind of neoliberal discourse oriented to the dissemination of democratic regimes and principles of the free market on the global level. Referential and predicative strategies show that civil society takes the

leadership in global anticorruption activity, emphasized by the demonstration of the weaknesses of governments and business. Both argumentation strategies and strategies of legitimation demonstrate the main aims of fighting corruption and the conditions of its effectiveness. The topoi of anticorruption discourse represent the features of anticorruption-ism that are formed according to the principle of the “mirror answer”; to be efficient, the curbing of corruption should have the same characteristics. Another kind of opposition includes the plain contrast between corruption and anticorruption-ism, which represents the “positive representation of the in-group (anticorruption civil society) and the negative representation of the out-group (corruption and corruptioners)”.

Keywords: corruption, anticorruption of civil society, international organizations, anticorruption discourse, critical discourse analysis, strategies, topoi

References

- Andersson S., Heywood P. (2009). Anti-corruption as a Risk to Democracy: On the Unintended Consequences of International Anti-corruption Campaigns. *Governments, NGOs and Anti-corruption: The New Integrity Warriors* (ed. L. de Sousa), New York: Routledge, pp. 33–50.
- Brown G., Yule G. (1983) *Discourse Analysis*, London: Cambridge University Press.
- Bukovansky M. (2002) Corruption Is Bad: Normative Dimensions of the Anti-corruption Movement. Available at: <https://digitalcollections.anu.edu.au/bitstream/1885/40136/3/02-5.pdf> (accessed 16 June 2015).
- Eigen P. (2004) Chasing Corruption Around the World: How Civil Society Organizations Strengthen Global Governance. Available at: <http://iis-db.stanford.edu/evnts/3922/Eigen10'04.pdf> (accessed 16 June 2016).
- Eigen P. (2005) Transparency International: The Fight against Corruption. *Investment Climate, Growth, and Poverty* (eds. G. Kochendörfer-Lucius, B. Pleskovic), Washington: The International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank, pp. 73–76.
- Eigen P. (2013) International Corruption: Organized Civil Society for Better Global Governance. *Social Research*, vol. 80, no 4, pp. 1287–1308.
- Eigen P., Fisman R., Githongo J. (2008) Fighting Corruption in Developing Countries. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/79084> (accessed 16 June 2015).
- Fairclough N. (1992) *Discourse and Social Change*, Cambridge: Polity Press.
- Fairclough N. (2001) Critical Discourse Analysis as a Method in Social Scientific Research. *Methods of Critical Discourse Analysis* (eds. R. Wodak, M. Meyer), London: Sage, pp. 121–138.
- Fairclough N. (2011) Discursive Hybridity and Social Change in Critical Discourse Analysis. Available at: https://www.academia.edu/3776026/Discursive_hybridity_and_social_change_in_Critical_Discourse_Analysis_201 (accessed 3 July 2015).
- Gebel A. C. (2012) *The Ideal Within: A Discourse and Hegemony Theoretical Analysis of the International Anticorruption Discourse*. Thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Department of International Politics. Aberystwyth University.
- Gephart M. (2009) *Contextualizing Conceptions of Corruption: Challenges for the International Anti-corruption Campaign*, GIGA.
- Hart C. (2010) *Critical Discourse Analysis and Cognitive Science: New Perspectives of Immigration Discourse*, New York: Palgrave Macmillan.
- Jørgensen M., Phillips L. (2008) *Diskurs-analiz: teorija i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method], Kharkiv: Humanitarian Centre.
- Kajsiu B. (2014) *A Discourse Analysis of Corruption: Instituting Neoliberalism Against Corruption in Albania, 1998–2005*, Farnham: Ashgate.
- Krastev I. (2001) When “Should” Does Not Imply “Can”: The Making of the Washington Consensus on Corruption. Available at: <http://www.colbud.hu/honesty-trust/krastev/pub01.pdf> (accessed 23 September 2015).
- Krosravnik M. (2013) Actor Descriptions, Actor Attributions, and Argumentation: Toward a Systematization of CDA Analytical Categories in the Representation of Social Groups. *Critical Discourse Analysis*, Vol. 2 (ed. R. Wodak), London: Sage, pp. 187–209.

- Makarov M. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [The Basics of Discourse Theory], Moscow: Gnozis.
- Open Knowledge Foundation (2015) Vision and Values. Available at: <https://okfn.org/about/vision-and-values/> (accessed 11 June 2015).
- Sampson S. (2012) A Culture of Compliance: Developing Standards of Fighting Corruption. Paper delivered at the American Anthropological Association Annual Meeting (San Francisco, November 2012).
- Sampson S. (2010) Integrity Warriors. *Public Sector Corruption* (ed. M. Johnston), London: Sage, pp. 313–349.
- Transparency International (2000) The TI Source Book. Available at: <http://archive.transparency.org/publications/sourcebook/> (accessed 5 June 2015).
- Transparency International (2001) The National Integrity System: Concept and Practice. Available at: https://www.transparency.org/files/content/nis/NIS_Background_Methodology_EN.pdf (accessed 16 June 2015).
- Transparency International (2001) Annual Report 2001. Available at: http://archive.transparency.org/publications/publications/annual_reports/annual_report_2001 (accessed 13 July 2015).
- Transparency International (2012) Annual Report 2012. Available at: http://www.transparency.org/whatwedo/publication/annual_report_2012 (accessed 4 July 2015).
- Transparency International (2013) Integrity Pact in Public Procurement: An Implementing Guide. Available at: TI http://www.transparency.org/whatwedo/tools/resources_about_integrity_pacts (accessed 16 June 2015).
- Transparency International (2015) Together Against Corruption: Transparency International Strategy 2020. Available at: www.transparency.org/whatwedo/publication/together_against_corruption (accessed 16 June 2015).
- van Broekhoven R. A. (2013) The Challenges of Transparency and Accountability. *Bridges of Trust: Independent Monitoring of Charities: A Comparative Overview of ICFO Members and Their Monitoring Methodologies*, Amsterdam: ICFO, pp. 160–176.
- van Dijk T. A. (2001) Critical Discourse Analysis. *The Handbook of Discourse Analysis* (eds. D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton), Oxford: Blackwell, pp. 352–371.
- van Dijk T. A. (2009) *Society and Discourse: How Society Context Is Influence Text and Talk*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Wodak R. (1995) Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. *Handbook of Pragmatics* (eds. J. Verschueren et al.), Amsterdam: John Benjamins, pp. 204–210.
- Wodak R. (2011) Kritičeskaja lingvistika i kritičeskij analiz diskursa [Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis]. *Political Linguistics*, no 4(38), pp. 287–291.
- Wodak R. (2011) Critical Discourse Analysis. *Continuum Companion to Discourse Analysis* (eds. K. Hyland, B. Paltridge), London: Continuum, pp. 38–53.
- Wood L. A., Kroger R. O. (2000) *Doing Discourse Analysis: Methods for Studying Action in Talk and Text*, London: Sage.